

УДК 343

DOI 10.25513/1990-5173.2017.4.144-150

НРАВСТВЕННОСТЬ И КОРРУПЦИЯ

MORALITY AND CORRUPTION

**М. П. КЛЕЙМЁНОВ, Н. И. ВЕРЧЕНКО, Е. М. СЕЙБОЛ
(M. P. KLEYMENOV, N. I. VERCHENKO, E. M. SEYBOL)**

Показывается, что проблема коррупции имеет прежде всего нравственное измерение, которое определяется в социологическом плане готовностью следовать императивам ортодоксального мировоззрения, а в личном аспекте – подчиняться велениям совести. В настоящее время фиксируется удручающее нравственное состояние российской элиты. Это касается не только светской, но церковной иерархии, среди которой проблема коррупции является не менее актуальной. В этих условиях значение нравственности в противодействии коррупции заметно снижается, а сама борьба с коррупцией имитируется. Остаётся единственный реальный сценарий борьбы с коррупцией – усиление репрессии.

Ключевые слова: коррупция; нравственность; элита; закон; вседозволенность; имитация борьбы с коррупцией.

This paper shows that the problem of corruption is primarily a moral dimension, which is defined in sociological terms, the willingness to follow the imperatives of the Orthodox world, and in personal aspect – to obey the dictates of conscience. Currently the dismal moral state of the Russian elite. This applies not only to secular, but the Church hierarchy, among which the problem of corruption is no less urgent. In these circumstances, the value of morality in the fight against corruption is markedly reduced, and the fight against corruption is simulated. It remains the only real scenario of the fight against corruption – strengthening the repression.

Key words: corruption; morality; the elite; the law; permissiveness; imitation of fight against corruption.

Ответы на самые животрепещущие вопросы современности имеют нравственное содержание. Например, эффективное противодействие коррупции невозможно без решения нравственного вопроса о возможности злоупотребления властью в частных интересах. Этот вопрос упирается именно в нравственную сторону человека, обладающего властными полномочиями, – его совесть. Если человек порядочный, дорожит своей репутацией (репутация имеет социальное значение), то он не может быть коррупционером. Так, А. А. Аракчеев характеризовался современниками как исключительно честный государственный деятель, к рукам которого не прилипло ни одной казённой копейки [1]. В то же время из отечественной истории нам известна обширная галерея лихоимцев и мздоимцев, для которых власть и корысть всегда

шли рука об руку. «Как только на московском троне не оказывалось сильного царя-государственника, то государство сразу погружалось в пучину княжеско-боярской анархии и коррупции», – замечает Ю. В. Кузовков [2].

Нет сомнения в том, что у коррупционеров существует свой кодекс поведения, в котором понятие совести, буквально по Ф. Ницше, элиминировано. Ф. Ницше писал: «Устранить вообще из жизни *идиосинкразию общности* (вина, наказание, справедливость, честность, свобода, любовь и т. д.)... Ценность – это наивысшее количество власти, которое человек в состоянии себе усвоить, – человек, а не человечество! Человечество, несомненно, скорее средство, чем цель. Речь идёт о типе: человечество просто материал для опыта, колоссальный излишек неудавшегося, поле обломков» [3].

Следовательно, современные российские коррупционеры по своему мировоззрению – нищиеанцы, которые следуют интересам корысти, личной или групповой выгоды. Совесть и иные категории *идиосинкразии общности* они вывели за границы своего поведения и считают себя *сверхчеловеками* (в нынешней интерпретации – *виннерами*), которым *всё дозволено*. Нравственность они оставляют в удел неудачникам (*лузерам*), считая учение об онтологии совести сказками для бедных: если у человека ничего нет, пусть он утешается идеей о справедливом Боге. Всё это описано Ф. М. Достоевским: и нищиеанство, взламывающее границы дозволенности; и синдром «самоназначения» себя сверхчеловеком; и отчаяние преступника, ставшего жертвой шизофренических иллюзий [4]. Удивительно, как глухи оказываются наши современники-коррупционеры из числа политических и государственных деятелей к урокам великого Достоевского, своими поступками выказывающие убеждение: «нам всё дозволено».

Удивительно и другое: многие из этих нищиеанцев стоят в церкви со свечами, возлагают на себя крестное знамение, жертвуют на строительство храмов и церковные нужды. Возникает закономерный вопрос, что это: поведение, заданное имиджмейкерами (выполнение инструкций профессионалов) или демонстрация убеждённости в приватизации Бога через церковную иерархию? Прежде чем ответить на этом вопрос, заметим, что в любом случае с позиций христианских нищиеанство есть проявление богоборчества, в какие бы одежды оно ни рядилось.

Апостол Павел писал Тимофею: «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (I Тим. VI, 6–10). Блаженный Августин доказывает преимущества добродетельной умеренности перед похотями богатства, ука-

зывая, что от развращённости нравов погибла Римская империя [5].

Фома Аквинский развивает учение об иерархии законов и свободе воли. В иерархии законов выделяется *вечный закон* – Божественное предопределение, управляющее Вселенной; *естественный закон* – отражение вечного закона в человеческом разуме, в том числе в виде максим (добра и зла, должного и запрещённого и пр.); *позитивный закон* – созданный человеком для того, чтобы способствовать ограничению зла и достижению добродетели. *Божественный закон* – откровение, содержащееся в Библии и опытных творениях святых. *Позитивный закон* не должен противоречить предписаниям закона естественного. Свобода воли, согласно Фоме Аквинскому, даёт возможность человеку сделать выбор между добрыми и злыми поступками: добрые поступки – это такие действия, которые направляют его к Богу, злые поступки – это такие действия, которые ведут его от Бога. Аквинат, подобно Августину, пытается снять с Бога ответственность за зло, совершаемое в мире. Свободная воля человека подчинена разуму. Человека направляет к добродетельным поступкам его ум. Высшим же благом признаётся познание Бога [6].

Христианские мыслители настойчиво ставят вопрос об ответственности в перспективе Страшного Суда и вечной жизни. Именно вечная жизнь в Граде Божиим является наградой за благочестие, равно как и вечная гибель (вторая смерть) – наказанием за нераскаянные грехи [7].

Совесть есть страх перед Богом, который – доказывают христианские мыслители – имеет онтологические основания и не может быть человеком окончательно элиминирован. Так, преподобный Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лестнице» пишет, что «совесть есть слово и обличение Ангела-Хранителя, данного нам при крещении». Святитель Феофан Затворник указывает, что совесть есть голос Вседержителя Бога в душе человека. В нравственной жизни человека совесть сохраняет своё главенствующее положение и выполняет свои специфические функции. Основными функциями совести являются законодательная, судебная и исполнительная. В этих трёх функциях совести проявляются

её авторитет, достоинство и свобода. Авторитет совести связывается с её законодательной функцией и состоит в том, что санкционированные ею требования справедливого и честного отношения к жизни имеют абсолютный и безусловный характер. Достоинство совести проявляется в её судебной функции и заключается в том, что голос совести, обвиняющий за злые дела, всегда правдив, категоричен и неподкупен. Свобода совести предполагает её исполнительную функцию и проявляется в том, что ничто не может поколебать совесть, сознающую свою правоту, так же как ничто не может связать совесть, заставить её молчать и не карать за злые дела и беззакония [8]. Обличения совести (нравственные страдания) можно заглушить (например, алкоголем, наркотиками), но они существуют пока человек остаётся человеком. Только тогда, когда начинается перерождение человека в злое существо (злую сущность), совесть теряет своё императивное значение («сожжённая совесть»). Этот процесс уклонения от бытия к небытию, связанный с подменой реальности собственными представлениями (иллюзиями), есть нигилизм. Предел ему ставит смерть. Смерть, следовательно, утверждает онтологическое содержание совести как Суда Бога.

До этого предела человек может пребывать в иллюзиях относительно нравственного закона и даже цинично (кощунственно) нарушать его, что характерно для нигилистического мировоззрения. Это, однако, объективности нравственных императивов никак не отменяет. Как показывает вся человеческая история, развитие иллюзорного мировосприятия базируется на двух фундаментальных основаниях: власти и богатстве. Их слияние означает коррупцию и аннигиляцию государственности.

Ю. В. Кузовков в своих трудах убедительно показывает, что, начиная примерно с 6-го тысячелетия до Р. Х. и вплоть до настоящего времени человечество страдало от кризисов коррупции. Кризис коррупции – это масштабный экономический, демографический и социальный кризис, вызванный концентрацией всей экономической и политической власти в руках небольшого круга лиц – класса олигархии. Отличительными чертами этого кризиса являются резкий рост безрабо-

тицы, имущественного неравенства, замедление или прекращение экономического роста, рост социального напряжения и беспорядков с появлением признаков классовой вражды, падение рождаемости ниже уровня воспроизводства, рост смертности, падение морали и нравов, рост преступности. Если кризис коррупции продолжается и общество долгое время не принимает мер по выходу из него или по введению нерыночной социально-экономической системы, то неизбежно его впадение в состояние хаоса и анархии, с крахом государства и сокращением населения, что нередко в истории приводило к гибели наций и народов и исчезновению их языков [9].

Нравственность элиты современного российского общества, нередко позиционирующей себя в качестве христиан (многие из них были в паломничествах на Святой Земле и Святой Горе Афон), просто удручает: она зачастую хуже языческой. В индуизме, который исповедует около 80 % населения Индии, есть доктрина *дхармы* (нравственного долга, универсального закона бытия). Только выполняя все требования *дхармы* можно достичь *нирваны*, и для последователя индуизма эти требования не пустые слова: он следует им в своей повседневной жизни. Для современного «среднестатистического» христианина как десять заповедей (декалог), так и другие нравственные императивы часто ничего не значат. Он ставит свечку в церкви (чаще всего св. Николаю), выходит на улицу, садится в автомобиль и так давит на педаль акселератора, что из-под колёс пешеходу удаётся выбежать только по счастливой случайности. Когда же «среднестатистический» христианин начинает подниматься по ступеням власти, то он начинает буквально понимать положение об отделении церкви от государства: в том смысле, что нравственный долг для государственного служащего не существует. И чем выше его должностное положение, тем в меньшей степени на него распространяются нравственные требования.

Представители олигархии игнорируют нравственный закон (как и любой другой закон). Они действуют вне объективных законов бытия, что обрекает их на неизбежную гибель. Подобное поведение характерно для суицидов и заставляет искать его источник.

В данном контексте любопытен установленный историками факт, что традицией олигархии является насаждение сатанинских культов: их она насаждала в течение тысячелетий. В то же время отмечается, что облик олигархии, мотивы её деятельности и внутренний мир во все эпохи скорее соответствовали образу рептилии, чем человека [10]. Следовательно, в случае с олигархией мы сталкиваемся с феноменом нигилизма, который делает культ зла объектом поклонения и символом подлинного служения. Внешние проявления набожности здесь выступают средством маскировки, внутренняя сторона жизни скрыта от посторонних глаз и доступна лишь посвящённым.

Большие сомнения вызывают и нравственные качества российской властвующей элиты. «Никто досконально не изучал нравственные качества этих индивидуумов, но многое ясно и без каких-либо исследований. То были люди, формально исповедовавшие всю жизнь коммунистическую идеологию – и легко отказавшиеся от неё; травившие религию или совершенно к ней равнодушные – и враз ставшие верующими; цеплявшиеся за партийные или околопартийные должности – и предавшие партию; думавшие и говорившие одно – и делавшие другое; клявшиеся в патриотизме – и развалившие СССР; прославлявшие прогресс – и ставшие творцами регресса страны», – справедливо пишет доктор философских наук В. Х. Беленький [11]. Поразительно, с какой невозмутимостью они воспринимают ставшую достоянием гласности негативную информацию об их собственных злоупотреблениях, не уставая призывать к очередному крестовому походу против коррупции и строя для себя домовые церкви с великолепными иконостасами.

«Освящают» этот процесс те представители религиозной иерархии, которые становятся сослужителями (соучастниками) зла. Например, при Лжедмитрии I (Отрепьеве) патриарх Иов был низложен и на место его возведён архиепископ рязанский, грек Игнатий, который 21 июля и венчал Лжедмитрия I на царство. В исторической памяти он остался государственным изменником и предателем отеческой веры (в конце жизни принял униатство). Роль и вина таких «святителей» в утверждении безнравственности на самом

высоком политическом уровне не установлена и не определена ни в историческом, ни в содержательном аспектах. Между тем можно полагать, что она чрезвычайно велика, поскольку даёт индульгенцию на совершение самых тяжких преступлений, включая геноцид и государственную измену, насильственный захват или насильственное удержание власти.

Церковь должна быть совестью нации и главным редутом по борьбе с тенденциями нигилизма во властной среде. Представители церковной элиты непосредственно общаются с государственными деятелями и должны находить приемлемые и убедительные слова, останавливающие принятие разрушительных (коррупциогенных) решений. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви сказано: **«Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении.** Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, поносящего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должному рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» [12]. Создание условий нищеты и безработицы для значительной части населения при осуществлении политики защиты интересов олигархии – это и есть понуждение людей к тяжкому греху совершения преступлений с целью выживания. Есть и много других тяжких грехов, которые люди бы не совершали, если бы СМИ не растлевали население, деятельность наркоторговцев своевременно пресекалась спецслужбами, а лица, находящиеся на государственной службе, не расхищали бюджетные средства и средства внебюджетных фондов. Иными словами, существуют все осно-

вания реализовать положения Основ социальной концепции Русской Православной Церкви. Однако этого не происходит, что по-человечески понятно, ибо близость к власти комфортнее гонений.

Разложение церковной элиты, её склонность к интриганству, стремление к богатству и поощрение пороков власти наблюдалось в Восточной Римской империи. Тяжкой (в земном измерении) была участь таких святителей, как Иоанн Златоуст, который смело обличал и царя Аркадия, и царицу Евдоксию, и нравы византийского двора, решительно боролся с продажностью клира и за это был гоним, умер по дороге в ссылку (на территории современной Абхазии) [13]. Бесстрашно выступил против беззаконий, творимых Иоанном Грозным митрополит Филипп, занимавший первосвятительский престол. «21 марта (1568 г.) в крестопоклонную неделю, перед началом литургии, митрополит стоял на возвышении посреди храма. Вдруг в церковь входит Иоанн с толпой опричников. Все они и сам царь были в высоких чёрных шляках, в черных рясах, из-под которых блестели ножи и кинжалы. Иоанн подошёл к святителю со стороны и три раза наклонял свою голову для благословения. Митрополит стоял неподвижно, устремив свой взор на икону Спасителя. Наконец бояре сказали: “Владыка святой! Царь требует твоего благословения”. Святитель обернулся к Иоанну, как бы не узнавая его, и сказал: “В этой одежде странной я не узнаю царя православного, не узнаю его и в делах царства. Благочестивый, кому поревновал ты, исказив таким образом твое благолепие? С тех пор, как светит солнце на небе, не слышано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу... У татар и язычников есть закон и правда, а у нас их нет. Мы, государь, Богу приносим бескровную жертву, а за алтарём льётся невинная кровь христиан. Не скорблю о тех, которые, проливая свою невинную кровь, сподобляются доли святых мучеников; о твоей бедной душе страдаю. Хотя и образом Божиим почтен ты, однако ж, смертный человек, и Господь взыщет всё от руки твоей”. Иоанн кипел гневом, шептал угрозы, стучал железом о плиты помоста. Наконец воскликнул: “Филипп! Или нашей державе ты смеешь противиться? Посмотрим, увидим, вели-

ка ли твоя крепость”. – “Царь благий, – ответил святитель, – напрасно ты меня устрашаешь. Я пришелец на земле, подвизаясь за истину, и никакие страдания не заставят меня умолкнуть”. Грозный царь не простил митрополиту правды, дал приказ низложить его на “позорнейшем из всех церковных соборов”» [14], а впоследствии убить его. Но весь христианский мир почитает Иоанна Златоуста и митрополита Филиппа святыми за их безбоязненное апостольское служение Истине, а не сильным мира сего.

В настоящее время в полный рост встает проблема коррупции в структурах церковной иерархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата). Проблема резко обострилась после современных церковных реформ, сопровождающихся, с одной стороны, резким увеличением числа представителей правящего епископата и, другой стороны, бюрократизацией самой церковной жизни. Первая новация закономерно привела к феодализации церковного управления: более чем в три раза увеличилось число церковных сеньоров (владык), требующих своей доли в церковном пироге (резиденций, денег, автомобилей и пр.). Вторая тенденция привела к усилению контроля за поступлением доходов в церковную кассу и их концентрации в руках иерархов. В проигрыше оказались рядовой клир и миряне.

Нельзя без боли читать обращение самарских клириков к Патриарху о поборах внутри епархии: «Ваше Святейшество! От полноты наших сердец, со слезами на глазах, ради наших деток, не говоря уже о полуразвалившихся приходах, снизьте Христа ради, нашему Владыке епархиальный налог! Пусть он платит Вам не 300 миллионов (такая сумма получается, если наши налоги умножить на количество приходов), а поменьше. Мы хуже крепостных, мы просто жалкие рабы, которым не принадлежит ничего, даже их жизнь...» [15]. Общение с клириками других епархий убеждает, что незаконные (с любой точки зрения – светской и церковной) поборы с приходов существуют практически повсеместно. Такая коррупция разрушает церковную жизнь и превращает земную церковь из корабля спасения в коммерческое предприятие. И конечно, разве собирающий дань митрополит имеет право обличить корруппиро-

ванного губернатора? Тот справедливо скажет обличителю: «Вынь бревно из своего глаза...».

Заметим, что в советское время (которое дружно обличают современные элитарики любого толка) системы таких поборов не существовало: церковь была небогатой, но честной, говорила об Истине и помогала найти её. Современные церковные иерархи загнали себя в геделевскую ловушку, элиминируя императивность веры и тем самым устранив онтологические нравственные основания противодействия коррупции.

Скатывание элиты в эпоху «доисторического материализма» – это тревожная примета нового времени. Элита с примитивным капиталистическим, а уж тем более феодальным или рабовладельческим мышлением не может ответить на вызовы даже ближайшего будущего. Очевидным доказательством справедливости сказанного является вымывание меритократической элиты и замена её элитой альтиметрической. Если меритократическая элита состоит из достойных, заслуженных, компетентных людей, обладающих моральным превосходством, то альтиметрическая элита фиксирует факт обладания властью без привязки к интеллекту и морально-этическим качествам. Преобладание фактора родства или близкого знакомства над профессиональными качествами при назначении на должность – типичная черта современной кадровой политики в любой властной структуре современной России. «Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения от вызовов постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства поведения и управления в комплексной среде: они в целом не обладают необходимым уровнем культуры / образования, альтруистическими или иными отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреватны негативными следствиями: пост-

индустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов», – справедливо пишет А. Неклесса [16]. В этих условиях значение нравственности в противодействии коррупции заметно снижается, а сама борьба с коррупцией имитируется. Для реальной борьбы нужны знания, умения и навыки, наконец, просто здравый смысл, а где их взять деморализованному, но амбициозному профану, попавшему во власть? А если во власть идёт и попадает человек с целью получить выгоды от своего должностного положения? Ответы на эти вопросы, полагаем, вполне очевидны.

В своих крайних вариантах возможны две стратегии противодействия коррупции: ветхозаветная и новозаветная. О различии между ними говорил ещё митрополит Иларион в своём «Слове о законе и благодати» (XI в.). Через закон осуществляется внешнее управление поведением человека, через благодать – внутреннее. Закон регулирует человеческую деятельность через инструменты надзора и контроля, привлекая уличённого нарушителя правил к ответственности, а благодать действует через совесть человека, подвергая его нравственным страданиям, стыду, понуждая к раскаянию. По большому счёту, укрепление нравственности должно быть главным путём борьбы с коррупцией. Но на этот путь прежде всего должны стать представители властвующих элит, отказавшись для начала от своих несправедливо нажитых богатств в пользу государства и народа. «Раздай богатство своё нищим и следуй за Мной» (Мф. 19, 21). Но поскольку на такое вряд ли можно рассчитывать, то остаётся единственный реальный сценарий борьбы с коррупцией – усиление репрессии.

1. Аракчеев: свидетельства современников // ХРОНОС : [сайт]. – URL: http://www.hrono.info/libris/lib_a/arak_gribbe.html.
2. Кузовков Ю. В. История коррупции в России. – М., 2010. – С. 198.
3. Ницше Ф. Воля к власти. – Минск, 1999. – С. 104, 368.
4. Как известно, Ф. Ницше был шизофреником, последние 10 лет провёл в клинике для душевнобольных. Его философские упражнения есть продукт психического больного человека, и формирование на ницшеанской основе практических действий есть путь безу-

- мия, а говоря криминологическим языком, – путь совершения общественно опасных действий.
5. *Августин Блаженный*. О Граде божием. – М., 2000. – С. 93.
 6. См.: История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2004. – С. 123–124; *Азаркин Н. Н., Левченко В. Н., Мартышин О. В.* История политических учений. – М., 1994. – С. 69–70.
 7. См.: *Августин Блаженный*. О Граде божием. – С. 1108–1112.
 8. *Архимандрит Платон (Игумнов)*. Православное нравственное богословие // Образование и Православие : [сайт]. – URL: http://www.orthedu.ru/nbpi/nbpi/posobia/nrav_bogoslov-2.htm/.
 9. *Кузовков Ю. В.* Указ. соч. – С. 5.
 10. Там же. – С. 19.
 11. *Беленький В. Х.* Российский высший класс: проблема идентификации // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 15.
 12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000. – С. 99.
 13. Крестный путь Иоанна Златоуста / под общ. ред., сост. О. В. Орлова. – М., 1996. – 379 с.
 14. *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. – М., 2000. – Т. 1. – С. 550–552.
 15. «У нас нет больше сил». Обращение клириков самарской епархии РПЦ МП к патриарху Кириллу // Москва – Третий Рим : [сайт]. – URL: <http://3rm.info/publications/18799-u-nas-net-bolshe-sil-obrashhenie-klikrikov.html>.
 16. *Неклесса А.* Российские горизонты // Метафизика. – 2017. – № 2 (24). – С. 104–113. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/metafizika/m2-2017/33584-rossiyskie-gorizonty.html>.